

Воскресенье 29-го Марта 1915 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто петроградскихъ театровъ

Московское разорение.

Премьера «Пушкинского спектакля» въ московскомъ Художественномъ театрѣ, потерпѣла, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, провалъ. Впервые за все существованіе театра Станиславскаго въ театрѣ этомъ раздался свистъ.

Нужно знать, какъ гордятся москвичи своимъ Художественнымъ театромъ, чтобы по достоинству оценить этотъ неслыханный фактъ! Ужъ значить, было за что свистать! И, очевидно, свистали не за Пушкина и не по адресу Пушкина, а по адресу Станиславскаго—за то, что послѣдній, въ всей вѣроятности, «неосторожно обращался съ великимъ поэтомъ».

Прощеніе—это, во всякомъ случаѣ, замѣтательно и симптоматично.

Въ московскомъ Художественномъ театрѣ была счастливая эпоха, когда онъ собственно и сталъ на свою высоту, какъ художественное предпріятіе. Это была эпоха Чехова, эпоха удачныхъ исканій и воплощеній. Театръ, дѣйствительно, сказалъ тогда новое слово и далъ множество новыхъ художественныхъ эмоцій. И репертуаръ, и стиль постановокъ—все было интересно и значительно.

Но вотъ, съ какой-то трудно уловимой даты все пошло по-иному. Словно кто-то другой сталъ во главѣ театра. Началась какая-то внутренняя разнѣ: игра артистовъ перестала соответствовать стилю и свойству нѣкоторыхъ пьесъ («Ревизоръ», «Горѣ отъ ума»), постановки стали удивлять какой-то нарочитой необыкновенностью («Гамлетъ») и, наконецъ, что уже прямо стало бросаться въ глаза, самый репертуаръ принялъ случайный характеръ, и въ него вошли пьесы, или ненужныя для этого театра (ибо онъ или гораздо лучше въ другихъ театрахъ—напримѣръ: на всаго мудреца довольно простоты) или неимѣющія серьезной художественной цѣнности. Получалось такое впечатлѣніе, что руководители театра сами не знаютъ, что имъ требуется: художественная ли цѣнность произведеній, рыночная или его стои-

мость, рекламная ли его крикливость, или его новизна? Во главѣ репертуара какъ бы сталъ совершенно слѣпой человѣкъ, которому кто-то подсказывалъ со стороны ту или другую пьесу. И иной разъ слѣпой человѣкъ, не видя ничего передъ собой, вдругъ рѣшалъ, что ничего въ литературѣ и нѣтъ, и начиналъ промать романы Достоевскаго и «прииспосылать» ихъ къ сценѣ.

Прошлагодня «новинки» московскаго театра, приехавшія въ Петроградъ, ярко свидѣтельствовали объ этой слѣпой феруль въ репертуарномъ дѣлѣ. Съ одной стороны «Ставрогпнъ»—безартистичная передѣлка «Бѣсовъ» Достоевскаго, а съ другой стороны затѣянная буффонада Гольдони «Трактиришца» прямо указывали на то, что театр Станиславскаго угодился одному изъ героев Островскаго, краснорѣчивому, но недостаточно умному коническому сынку:

«Я разсказывать обо всемъ всегда могу. Разговоръ изъ меня такъ и льется. А вотъ только что къ чему—на это у меня понятія нѣтъ»...

Дѣятельность Художественнаго театра какъ бы свидѣтельствуетъ теперь о моральной усталости этого предпріятія.

И, прежде всего, это сказывается на неудачномъ и непонятномъ выборѣ пьесъ. А затѣмъ на вывертахъ и изломахъ замѣненныхъ истинное творчество въ игрѣ артистовъ и вообще въ постановкѣ пьесъ.

«Они всегда хотятъ сказать умное и потому они говорятъ непонятно».

А публика этой умной непонятности не любитъ. Публика теперь умѣетъ разбираться въ художественной цѣнности даннаго произведенія. Ее уже нельзя ошарашить затѣйливой диалогичкой. И за футуристами она бѣгаетъ преимущественно лишь для того, чтобы пошутиться.

И какое самозабвеніе у руководителей этого театра: къ намъ, въ Петроградъ, возуть именно этотъ провалившійся пушкинскій спектакль, набранный изъ наполовину лирическихъ произведеній великаго поэта, произведшихъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе въ простомъ чтеніи. И, мало

того, къ великому имени Пушкина они въ своемъ привозномъ репертуарѣ смѣло присоединяютъ имя незрѣлаго драматурга Сургучева и сюда же втискиваютъ еще одну пьесу, смѣло выхваченную съ книжной полки «Смерть Пазухина», одно изъ неудачныхъ и нудныхъ произведений Салтыкова.

Хорошій репертуаръ — душа всякаго театра. Московскій художественный театръ утрачиваетъ эту душу съ каждымъ годомъ.

Б. Никонсвъ.